

ВЫСТРЕЛ В ХРУСТАЛЬНЫЙ СОСУД

ХАЛМАНОВ В

Из приемного покоя медицинская сестра ведет полужрячих в первое глазное отделение областной клинической больницы имени Н. А. Семашко.

Название «отделение областной больницы» можно считать безнадежно устаревшим. Занимаю койку, которую только что освободил школьник из Перми. В палатах размещены больные из Кирова, Чебоксар и других городов и сел страны. Словоохотливый казах с удовольствием рассказывает:

— Приехал из Алма-Аты, к Коссовскому...

Неведомыми путями в коридор проник темпераментный житель Кавказских гор, выждал удобный момент и ринулся наперез прославленному хирургу:

— Дорогой! Профессор! Помогите! Не оставьте слепым с молодых лет...

Разве можно не откликнуться на горячую мольбу. Просители получают помощь и еще дальше распространяют славу об исцелении в Горьком.

Провожая сюда, друзья и меня наставляли:

— На операцию иди только к Коссовскому!

Увы! Руководитель Горьковского межобластного центра микрохирургии глаза не сидит на месте. Сейчас он в длительной командировке, и мне не дождаться его. В темной комнате окулист, мо-

лодая женщина, вероятно, из недавних студенток, сосредоточенно изучает мое зрение и наверняка замечает мой несчастный вид. Позднее, в палате, прихожу в еще большую растерянность. Мне объясняют, что окулист — Марина Сергеевна Романычева — мой будущий лечащий врач, она же проведет операцию. Новые друзья, уже прооперированные, от души веселятся над моей растерянностью и заявляют: — Здесь все врачи оперируют. Все они ученики, Коссовского.

В это мне трудно поверить. Много лет назад мне уже оперировал один глаз сам Леопольд Владиславович. Тогда лишь единицы его первых сподвижников ассистировали молодому ученому. Я привык к мысли, что и второй глаз мне будет оперировать Коссовский. Другим рукам не могу довериться.

Однако, как говорится, от судьбы не уйдешь. Лежу на операционном столе, и надомной, погруженный во мрак воркует еле уловимый женский шепот. Операция началась...

Но что это? Мне не сделали предварительное традиционное промывание, как и болезненный укол под глазное яблоко. Лишь на столе услышал предупреждающий голос: «Я вас немного уколю». Но это не укол, а легкий

комариный укус. Жду, что будет дальше. Тот же шелестящий шепот. Прикосновение к глазу. Что-то коротко и тихо прошипело. Лежу и жду, когда хрусталик отделе- лять от глаза. Вспоминаю, Л. В. Коссовский оперировал молча. Лишь однажды, после моего сильного болезненного ощущения бесстрастным голосом произнес: «Не закрывайте глаз. Не мешайте мне работать». Жду этого болезненного момента. Слепой глаз вскрыт, в него хлынул внешний свет, появились изображения, как в калейдоскопе. Над глазом что-то прошипело второй раз, и мягкий женский голос объявил:

— Операция окончена.

Не понимаю: пошутили, успокоили меня или в самом деле так быстро, как мне показалось, закончилась операция, притом совершенно безболезненно. Недоверчиво спрашиваю:

— Так скоро?

Тишина в операционной сменилась легким веселым оживлением. Не видел электронику и лазера, о них квалифицированно могут рассказать специалисты, но с точки зрения больного вполне могут оценить научно-технический переворот в микрохирургии глаза, который произвели советские ученые.

Послеоперационный режим остается прежним. С завязанными глазами, недвижимо, на спине надо проле-

жать столько, сколько прикажет врач. Спи, но не шевелись. В полном мраке, когда пропал сон и осталась одна боль, я услышал заботливый голос:

— Больной, как вы себя чувствуете?

— Сколько времени? — сорвался с языка.

— Одиннадцатый час вечера.

— Какая длинная ночь впереди...

— Успокойтесь, я дам вам снотворное...

Утром проснулся освеженный, спросил:

— Кто был ночью возле меня?

— Сестра, Лариса Борисовна Вантеева, — ответили товарищи по палате.

Как вовремя оказалась она возле меня ночью, как горячо хотелось поблагодарить ее, но я ее не встретил. Вероятно, в последующие дни дежурила на другом посту и облегчала участь другим больным.

В считанные дни восстанавливаются силы, слегка проясняется зрение. Мы уже видим таких же заботливых сестер Аллу Викторовну Сорочкину, Галину Александровну Кулясову, раздатчиц Таню, Галю, нянечек, всех, кто моет, чистит, создает уют выздоравливающим.

Лежим в палате и с лирике переключаемся на деловые темы. Ведем подсчет.

Марина Сергеевна Романычева делает четыре-пять операций в день. Двадцать — за неделю. За год она может тысячу слепых сделать зрячими. Золотые, бесценные руки!

— Подумаешь, ваши катаракты, глаукомы. Легкие операции. Ольга Николаевна Бурова мне сделала пересадку роговицы. — вступает в разговор работник Заволжского моторного завода Н. Н. Косихин.

А мне вспомнился плакат первых послевоенных лет: «Берегите глаза. Глаукома — неизлечима болезнь!» Теперь — «легкая операция». А Леопольд Владиславович со своей школой преодолевает новые барьеры.

Постепенно мы становимся зрячими, нас успешно лечит Валентина Михайловна Куракина, но мы не видим нашу обожаемую Марину Сергеевну. Где она?

— Уехала в командировку, в сельский район, — объясняют сведущие люди.

Возмущаемся. Не сделает она за год тысячу слепых зрячими, если будет мять глаза по командировкам.

Проблему разъяснил сосед по койке, механизатор с соркалетним стажем совхоза «Филинский» Вачского района, В. М. Кербенев. В их районе нет ни одного окулиста. Поэтому высококлассные врачи из областной больницы выезжают в районы для по-

леоперационного лечения своих больных, на консультации, методические советы и прочие рядовые дела...

...Никому не придет на ум, например, выстрелить в хрустальный кубок и после собрать его в целости. Но врачи умело, если не сказать, изящно восстанавливают живые хрустальные сосуды — глаза. В глаза стреляют. В основном металлом. В виде осколки, осколков, опилок, стружек. Работнице Н. из-под молотка в глаз влетел целый гвоздь. Не описать всего разнообразия глазных травм, но почти в каждом отдельном случае видится элементарное пренебрежение к правилам техники безопасности. Вот почему растет в больнице очередь людей, спешащих излечиться от слепоты.

...Под подушкой в больной койке не держу корреспондентского удостоверения, не встречаюсь с официальными лицами, не отвлекаю врачей для бесед на посторонние темы. Пишу, что вижу. Душно тесно творческому коллективу высококлассных окулистов в двух коридорах на двух этажах. В Горьком должен быть свой самостоятельный, прочный институт микрохирургии глаза. Его основа уже есть — первоклассные в своем деле специалисты.

В. ХАЛМАНОВ,
ветеран войны и труда.